

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий Маслов
(г. Тула)

ГЕНИЙ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Автор 34 книг, изданных не только в России, но и за рубежом. Заслуженный работник культуры России, председатель Тульского Фонда поддержки творческой интеллигенции, руководитель Тульского отделения литфонда, председатель межрегионального Союза писателей России.

О Льве Николаевиче Толстом написано, пожалуй, уже все. Поэтому я хотел бы сосредоточиться на личных воспоминаниях, переживаниях и случаях, связанных в моей жизни с этим великим именем. И начну не со школьных воспоминаний, когда меня, вместе с одноклассниками, возили из города Донского в кажущуюся такой далекой, сказочной и привлекательной Ясную Поляну, а в более поздние, осмысленные годы.

Одним из первых моих зарубежных вояжей еще в советское время была туристическая поездка в Ирландию. Поздно вечером, когда улеглись спать бдительные руководители группы, я отправился в ночное путешествие по Дублину. Надо сказать, что денег на такси у меня не было, и гулять по ночной столице мне пришлось исключительно пешком. Забрел я очень далеко, а моя гостиница была на самой окраине города. И я, конечно, заблудился.

Выхода не было: надо было спросить дорогу у кого-то из местных жителей. В одном из темных переулков я увидел парня и девушку возле автомобиля. Спросил их по-английски, как пройти до такого-то отеля. Во мне, конечно, сразу узнали иностранца. Гостеприимно предложили подвезти.

В дороге мы разговорились. Моими спасителями оказались обычные старшеклассники. Они сразу поинтересовались, откуда я. Назвал город Тулу.

— Тула, Тува.,— стали что-то припоминать школьники.

Нет, такого города они не знали.

Тогда я произнес имя моего знаменитого земляка.

— О! — сразу оживились ирландцы. — Толстой! Ясная Поляна!

Вот тогда я первый раз понял, насколько знаменит наш земляк, как он велик и всемирно известен!

Ясную Поляну я очень люблю. Приезжаю сюда всегда, когда появляется свободная минута. Здесь нахожу отдохновение, черпаю новые творческие силы, встречаю хороших знакомых и друзей. Надо сказать, что в советский период жизни страны, этот чудесный уголок переживал не самые лучшие времена. Нет, здесь был хороший музей, сюда приезжали толпы экскурсантов. Но облик всемирно известной усадьбы подчас зависел от прихоти какой-нибудь номенклатурной особы. Помню, как перед очередной юбилейной датой нашего великого земляка, сюда прибыла с проверкой колоритная дама — заместитель председателя облисполкома, которая курировала культуру. На историческом «прешпекте», ведущем к дому Толстого, она слегка подвернула ногу и чуть не сломала каблук своей драгоценной туфли.

После этого последовал грозный приказ: заасфальтировать эту дорогу. Робких возражений музейных работников, что это нарушит исторический облик, сохраняемый в усадьбе на день смерти великого писателя, дама просто не заметила.

А зря: ушла на пенсию «чиновница от культуры», прошли годы, и новому директору усадьбы, праправнуку писателя Владимиру Толстому пришлось убирать асфальт, восстанавливать исторический облик усадьбы своего прадеда.

Справедливости ради надо сказать, что, в отличие от чиновников местного ранга, правительство РСФСР понимало важность сохранения в неприкосновенности родины Льва Толстого. Помню, какие баталии развернулись вокруг строительства федеральной трассы Москва-Симферополь, проходящей по территории Тульской области.

Сторонники экономии государственных средств предлагали провести ее в непосредственной близости от Ясной Поляны. Тогда бы экология и без того страдающего от близости Щекинского химкомбината «Азот» заповедника пострадала еще больше. Казалось, их аргументы победили: федеральная трасса стремительно приближалась к заповеднику. Но здравый смысл, заявления общественности, возражения экологов были услышаны: правительство решило вести строительство дороги вдали от исторического места, хотя уже была проведена насыпь сорока километров трассы.

Вот на какие огромные затраты пошло советское правительство, чтобы не навредить наследию великого русского писателя, прославившего не только Тулу, но и Россию на весь мир!

С другой стороны, излишняя щепетильность в этом вопросе иногда здорово мешала позитивному развитию родины писателя. Какие страсти в восьмидесятые годы прошлого столетия кипели вокруг сооружения в непосредственной близости от усадьбы музейно-гостиничного комплекса! Талантливый тульский архитектор Шатохин вместе с группой сподвижников спроектировал такой комплекс, в котором современная постройка не мешала зрительному восприятию старинной усадьбы.

Но нашлась куча завистников, которые на все лады кричали, что это сооружение нарушит дух и колорит музея. В результате комплекс не построили, хотя на него выделялись деньги, и мы имеем то, что имеем. Например, крохотную, неудобную, вечно переполненную кафешку с претенциозным названием «Прешпект». А раньше, в отдельном, теперь снесенном здании, размещалось предприятие общественного питания высшего класса с превосходным ассортиментом вин, закусок и вторых блюд — в этом кафе-ресторане вахтовым методом работали лучшие официанты и повара города Тулы. Отсутствие музейного фондохранилища, в котором планировалось создать условия хранения документов и работы сотрудников по мировым стандартам. И подобие гостиницы в бывшем доме отдыха с умопомрачительными ценами на проживание.

А ведь многим гостям музея-усадьбы, в том числе и тулякам, хотелось бы подольше побыть именно в Ясной Поляне, проникнуться мыслями Льва Толстого в долгих прогулках по окрестностям усадьбы. Короткой пробежки в групповой экскурсии по толстовским местам, конечно, очень мало, чтобы постичь величие гения, проникнуться его мыслями и взглядами.

А вот самого Льва Николаевича Тула к себе манила. В его дневниках имеется великое множество упоминаний о поездках в наш город. Да что там поездки! Это сейчас, современному туляку, кажется невероятно трудным пешком одолеть десять километров, отделяющих легендарную усадьбу от промышленного центра. Мы будем долго ждать переполненный автобус, чтобы проехать в нем одну — две короткие остановки. Но Лев Николаевич, хоть и был графом, барин, имел в своем распоряжении конюшню с кучером и прислугой, не гнушался пешком пройтись в Тулу.

«Погода чудная,— записал он в своем дневнике 20 марта 1865 года.— Здоров. Ездил в Тулу верхом. Крупные мысли!» Вот как полезно далеко ездить верхом на лошади: очень хорошо развивает мыслительный процесс. К тому же, полезно для здоровья.

1 июня 1864 года: «Косить не нужно было, и потому пошел в Тулу за товаром... В Туле закупил товар и вернулся домой бодро...» Вот так: пешком не только в город, но и назад. Значит,— двадцать километров. Причем, еще и с закупленным товаром. А было писателю в то время уже 56 лет. Даже по нынешним меркам — уже пожилой человек. В те же времена Антон Чехов писал в одном из рассказов: в комнату вошел старик тридцати лет...

Впрочем, гений Толстого проявлялся во всем, и в здоровье тоже. Ходил пешком наш великий земляк и в град престольный — Москву. И уже тогда, при жизни, его знала вся Россия, да и мир тоже. Не случайно, в письме литературному критику А.В. Дружинину он так называет свой адрес в Ясной поляне: «Адрес мой — в Тулу просто». Другому своему корреспонденту Толстой тоже сообщает: «Мой адрес всегда — Тула».

Уже одним этим литературный гений прославил наш город. Тула теперь навечно срослась с Ясной Поляной. Почти как у Маяковского: говорим Тула, подразумеваем Ясная, говорим — Ясная, подразумеваем — Тула.

Да и поработать служащим писателем в Туле успел. В качестве канцелярского служащего Тульского губернского правления тридцати пяти летний Лев Толстой работал в здании, которое и поныне прекрасно сохранилось на проспекте Ленина, 36.

Впрочем, вчерашнего студента Казанского университета, служба не очень прельщала. Сохранились воспоминания, согласно которым он «ни одного дня целиком не просидел в канцелярии» (Н. Н. Гусев, впоследствии секретарь Толстого).

А вот общественная деятельность была писателю очень интересна. Он принял активное участие в Тульском губернском собрании, которое проходило в здании дворянского собрания. Служил мировым посредником, участвовал в кружке педагогов, избирался почетным попечителем Тульского реального училища.

И, несмотря на высокое положение в обществе, на графское звание и богатство, был открыт и доступен простому народу, с жадным вниманием относился к людям из самых разных сословий, старался не выделяться одеждой и манерами.

В этом смысле примечателен один случай, описанный другом Толстого, тульским судебным деятелем Н. В. Давыдовым.

В зале тульского Дворянского собрания проходили репетиции пьесы Толстого «Плоды просвещения». В одну из них сторож доложил Давыдову, что «какой-то мужик, по-видимому, трезвый, желает непременно видеть меня и требует, чтобы его пустили в залу». «Мы его и гнали уже, да не идет»,— добавил сторож. Я побежал вниз в швейцарскую, догадавшись, кто этот мужик, и, через несколько минут, ввел в залу, к великой радости участвовавших в пьесе, Льва Николаевича, принятого за «мужика» сторожами ввиду его более чем скромной одежды».

Видимо, и поэтому так поразила первая встреча с Толстым великого русского режиссера К. С. Станиславского. Она произошла в доме Давыдова (теперь улица Гоголевская, 47), куда писатель также приехал в крестьянском тулупе. Правда, в отли-

чие от того сторожа, внимательный режиссер обратил внимание не на одежду. Его поразили глаза Толстого: «то острые, колючие, то мягкие, солнечные, в которых блестяли искры гениального художника».

Надо сказать, что великий писатель охотно помогал начинающим литераторам. Так, он с вниманием отнесся к рукописи комедии молодого крестьянина Ивана Журавого, который служил в трактире в Туле. Толстой помог ему напечатать рассказ «Посредник», про который сам выразился так: «Грубо, страшно, но правдиво». О том, насколько широк был круг тульских знакомых писателя и почитателей его таланта, говорит даже такой их далеко не полный перечень: губернатор М. В. Арцимович и вице-губернатор Л. Д. Урусов, дочь декабриста и поэта К. Ф. Рылеева, начальник оружейного завода В. Н. Бестужев-Рюмин, семья Дельвигов — родственников поэта А. А. Дельвига и многие другие.

Очень прочные связи установились между семьями Толстого и другого тульского губернатора — Н. А. Зиновьева. Однако наш великий земляк никогда не поступался принципами. Как только губернатор принял участие в «усмирении» крестьян села Бобрики Тульской губернии (ныне Бобрик-гора, город Донской), Лев Толстой резко оборвал эти отношения. Также поступил он с предводителем тульского дворянства П. Ф. Самариним. Когда он 15 мая 1881 года приехал в Ясную Поляну и стал оправдывать казнь правительством революционеров, Толстой возмущенно крикнул ему: «Так зачем же вы тогда ко мне приехали?»

Правда, и великий мыслитель и знаток человеческих душ иногда ошибался в первоначальной оценке тульских людей. Летом 1909 года Лев Николаевич записал в дневнике: «Я ходил встречать и встретил Василия Панюшкина. Долго гуляя, говорил с ним. Прекрасный юноша. В этих, только в этих людях надежда на будущее. Да хоть ничего не выходи из них, хорошо и для них, и для меня, и для всех, что они есть». Не без помощи Толстых прекрасный юноша попал в столицу, поступил в морское училище, получил профессию. Но связал свою жизнь не с той «надеждой на будущее», на которую рассчитывал граф.

Став революционером, он получил высокое назначение в Тульскую губернию: «чрезвычайный военный комиссар по борьбе с контрреволюцией и борьбой за хлеб». И вот здесь-то в полной мере проявился своеобразный талант «прекрасного юноши», который в этой «борьбе» не щадил никого! По губернии ходили слухи: «Прибыл комиссар Панюшкин. Будет хлеб подчистую отбирать, будет мужиков расстреливать». И пошли вагоны с хлебом в Москву и Петроград, оставляя голодать местное население. Так что хорошо с Панюшкиным было далеко не всем.

Общался Толстой и со своими тульскими «братьями» по писательскому цеху. Например, 15 августа 1903 года к нему в Ясную Поляну приехал писатель В. В. Вересаев. А сам Толстой с интересом читал его произведения, особенно ему нравилась повесть Вересаева «Конец Андрея Ивановича».

К сожалению, нынешний праправнук нашего великого земляка, бывший директор музея-усадьбы «Ясная Поляна» Владимир Толстой, не жаловал тульских писателей и Тульскую писательскую организацию. Не приглашал местных писателей на литературные встречи в музей, да и сам к ним в гости не ездил.

Наверное, он хорошо помнил легендарное высказывание классика советской литературы Александра Фадеева, который на одном из писательских съездов, когда речь зашла о Тульской писательской организации, решил пошутить. «До революции в Туле был всего один писатель, а сейчас местная организация выросла до двадцати членов. Правда, тем одним писателем был Лев Толстой, а нынешних никто не знает».

Возможно, и в этом проявилось некое мистическое «противоборство» гения и не отмеченных особыми талантами людей. Ведь, как было отмечено поэтом, «лицом к

лицу лица не увидеть». И, в этом свете, уже как-то по-иному могут быть восприняты и объяснены возмутительные в истории Тулы и его общества некоторые факты непочтения своего гениального земляка.

Ведь, когда весь мир переживал по поводу кончины Льва Толстого, «Тульские губернские ведомости» даже словом не обмолвились о смерти великого писателя!

А когда поступило предложение почтить память скончавшегося, один из депутатов городской думы заявил протест против чествования «антихриста».

И не слишком ли долго туляки «созревали» для того, чтобы поставить в своем городе приличный памятник гению мировой литературы? Ведь только в 1973 году, в годовщину 145-летия писателя, на проспекте Ленина, бывшей Киевской улице, по которой так много ходил и ездил Лев Толстой, ему был открыт памятник.

А памятник работы скульпторов В. Буякина и А. Колчина получился великолепным. Толстой изображен в полный рост, на низком постаменте. В нем чувствуется величие гения мировой литературы, писателя, как бы идущего к людям.

И место вокруг памятника стало знаковым. Сюда приходят просто отдохнуть. Здесь проходят творческие встречи. Здесь наглядно видны та огромная любовь, непреходящая память и благодарность, которые чувствуют к своему гениальному земляку простые люди — жители города Тулы.

И это вполне объяснимо: ведь все творчество писателя было проникнуто любовью к людям. Не случайно, когда за два года до смерти Лев Толстой написал обращение к людям-братьям «Благо любви», пронизанное любовью и состраданием к ближнему, он закончил свое духовное завещание словами:

«Я думал, что умираю в тот день, когда писал это. Я не умер, но вера моя в то, что я высказал здесь, остается та же, и я знаю, что не изменится до моей смерти...».

Николай Макаров
(г. Тула)

ЗАПИСКИ БАТАЛЬОННОГО ВРАЧА

Николай Макаров — наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

СОЛДАТЫ ТРЕТЬЕЙ РОТЫ

Уникальные солдаты приходили служить в нашу третью роту... Неповторимые солдаты...

Будников

Очередные учения. Конец февраля — начало марта. Десантирование в составе полка на площадку под Гороховцом (город Гороховец — есть такой во Владимирской области). Вместе с полком прыгает начальник медицинской службы дивизии гвардии полковник (за войну получил папаху — атрибут зимней одежды полковников и выше) Крапивный. Любитель парашютных прыжков и неожиданных для подчиненных учебных вводных.

Десантирование проходит на «хорошо» и «отлично». Или не совсем на «хорошо» и «отлично»? Это кто там, на краю площадки? Орет благим матом? Кто не может встать на ноги, барахтаясь в снегу?

А это — гвардии полковник медицинской службы, имитируя перелом ноги, проверяет на «вшивость» медиков полка (на настоящей-то войне всякое может произойти).

Но на его беду (беду ли?) рядом приземляется гвардии старший сержант Василий Будников, санинструктор третьей роты. («Летающий шкаф», мастер спорта по боксу, бывший студент четвертого курса курского мединститута, за какие-то грехи срочно прервавший учебу на два года с последующим восстановлением во всех правах законопослушного студента).

Не долго думая, наш Василий со всего размаха прикладывает валенком, обутым на сорок шестой размер ноги, по мягкому месту орущего «раненого» (на всем десанте: офицерах, прапорщиках, сержантах, солдатах — одинаковая форма одежды без знаков различия — зимняя «десантура», а на Крапивном, вдобавок, нахлобучена солдатская шапка). И ласково, так душевно, на «раненого» орет:

— Какая нога? Ты чего салабон придуриваешься? Встать! Бегом марш!

Следует очередной валенко-удар.

— Доложишь, та-та-та, на сборном пункте! И сдашь, вдобавок, мой парашют. А то по-настоящему вырву твои сраные ноги и спички вставлю...

Рванув автомат, вставив спаренный рожок, санинструктор третьей роты, утопая по пояс в снежной целине, как и весь полк (так и хочется написать: помчался) стал пробираться до ближайшей дороги.

Откуда известна эта история?

Сам гвардии полковник медицинской службы Крапивный на всех совещаниях с гордостью рассказывал об одном своем подчиненном... распознавшим в нем симулянта...

Карташов

Одна тысяча девятьсот семьдесят пятый год. Конец февраля — начало марта. Полковые тактические учения с десантированием в «глубокий тыл противника» с последующим совершением рейда и уничтожением объектов супостата.

Накануне вечером последний смотр готовности войск к учениям. Первый батальон построен на плацу шеренгами с интервалом между собой по 2—2,5 метра. Комбат, замполит, начальник штаба и доктор (ваш покорный слуга) обходят личный состав для обнаружения последующего немедленного устранения недостатков.

Взвод связи — без замечаний.

Первая рота — без замечаний.

Вторая рота — без замечаний.

Третья рота — без замечаний... Стоп! Последняя шеренга. Левифланговый. Рядовой Карташов. Второй год службы. Не «салага». Вместо валенок на ногах — сапоги. Устранить! Доложить! Через десять минут — устранено. Доложено!

Батарея СПГ (СПГ — станковый противотанковый гранатомет) — без замечаний.

Взвод снабжения без замечаний...

Наутро, перед движением на аэродром (это рядом; северное КПП полка напротив Тульского аэропорта; чуть дальше — полк АН-12, с которых мы тогда прыгали) опять построение. Ни одно мероприятие в Армии не проходит без построения. Пересчитать наличие. Посмотреть внешний вид. Отдать ЦУ и ЕБЦУ (ЦУ — ценные указания, ЕБЦУ — еще более ценные указания). Равняйся! Смирно! Я в темпе произвожу опрос личного состава на предмет заболеваний и недомоганий, возможно случившихся за ночь.

Взвод связи — жалоб нет.

Первая рота — жалоб нет.

Вторая рота — жалоб нет.

Третья рота — жалоб нет. А Карташов? Где Карташов? Ах, здесь! Ах, ты эдакий и разэдакий, такой-сякой, мазаный-перемазанный, опять в сапогах. Вместо валенок. Устранить! Доложить! Через три минуты устранено. Доложено!

Батарея СПГ — жалоб нет.

Взвод снабжения. А взвода снабжения в полном составе нет. Взвод снабжения в составе тыловой группы полка, выдвинулся в район десантирования (под Ясногорск) для встречи основных войск. Для сбора парашютов. Выдачи лыж, горячего чая, бутербродов...

Аэродром. Очередное построение. По самолетам: личный состав двумя колоннами перед открытыми кашалотообразными люками-пастями Ан-двенадцатых в утреннем морозном полумраке, жмурясь и прикрывая лицо от снежных вихрей, поднятых работающими пропеллерами, медленно продвигается в чрево холодного чудовища. Где Карташов? Вон он, этот солдат — в моем самолете. Без валенок. В сапогах! Исправлять и докладывать об исправлении нет времени. Ладно, пока не замерзнет, а там, на площадке приземленья что-нибудь придумаем...

Десантирование прошло успешно, если не считать двух приземлений на запасных парашютах (Витька Трунилин, фельдшер-срочник полкового медицинского пункта полка и майор Сударилов; рядовому — десять суток отпуска, майору — строгий выговор. Об этом — в другой раз). Войска на пунктах сбора. Пересчитаться. Пе-

ремотать портянки. Хлебнуть горячего чая. Получить вводную на выполнение ближайшей задачи...

Взвод связи и батарея СПГ рассредоточена по ротам.

Первая рота — пошла.

Вторая рота — пошла, марш — марш.

Третья рота — пошла, марш — марш, вперед.

Управление батальона в арьергарде. На возвышенности. В пятидесяти метрах от ПХД (ПХД — пункт хозяйственного довольствия, где сосредоточен весь взвод снабжения с техникой, кухней, обоз — одним словом). И вдруг... Вдруг — нашу группу обгоняет отстающий боец. Лыжник в сапогах! Карташов! Стоп, машина — задний ход! Незадачливому солдату делается очередное нелицеприятное внушение. Его разворачивают под белы ручки на сто восемьдесят градусов. Показывают направление в сторону нашего ПХД (пятьдесят метров! до него). Комбат громовым голосом передает командиру взвода снабжения приказ: «Взять разгильдя! Поставить на довольствие! Везить только в кабине! Понятно?».

«Есть! Так точно! Будет исполнено!».

Управление, вперед, марш, марш вперед. Догонять войска. Руководить войсками. Первым батальоном...

Захват и разгром «супостата» прошел как по маслу, то бишь, по заранее утвержденному плану. Согласно утвержденному плану закончилась и наша «война» на следующий день. Не рассчитан десант на более длительные боевые действия. Сделал дело, и, как одноразовый... воздушный шарик, для дальнейшего применения не пригоден. Ну, это — так, лирическое отступление. А так как у нас всего-навсего учения, то и пора честь знать. Пора собираться до кучи. Пора ехать на зимние квартиры. Ага! Щас! А пересчитывать личный состав кто будет? Кто будет пересчитывать оружие? Дядя Пушкин?

Взвод связи — все на месте. Оружие на месте.

Первая рота — все. Оружие на месте.

Вторая рота — все. Оружие все.

Третья рота — все на мес... Нет, не все. Нет одного. Нет Карташова, едрит твой корень. Может в другие подразделения прибился, бедолага.

Батарея СПГ — все. Посторонних нет.

Взвод снабжения — все. Посторонних нет. А этот ваш сраный Карташов сбежал ночью из машины. Но... Но обутый в валенки. Вон, замок (замок — заместитель командира взвода) валенки ему свои отдал.

Запросить другие батальоны — брошена соломинка, на всякий случай. Карташова нигде нет! Нет и автомата!!! АКМС.

Все-е-е-е-м отбой! Первому батальону ученья продолжать! Искать солдата. Искать автомат...

Трое суток искали Карташова. Искали автомат. В районе учений и прилегающих окрестностях. В районе «боевых» действий полка. Трое суток искали. Три дня в светлое время вертолет на сверхнизкой высоте утюжил этот злополучный район, помогая поискам.

Карташова нигде не было. Вместе с автоматом!

На четвертый день местное, колхозное, женского пола, крестьянство поехало к ближайшему от деревни (135 метров!) стогу сена. Коровы тоже, даже зимой, почему-то хотят кушать. (А надо сказать, около этого стога раз пятнадцать днем и ночью, с матюгами и факелами проходили поисковые группы). Значит, подъехали к стогу, но руками-то несподручно грузить в тракторную тележку сено, вот и вонзили в стог вилы, норовя ухватить побольше, а в ответ... В ответ из стога леденящий в жилах кровь

нечеловеческий вой (хорошо, вилы угодили в бок и только обозначились незначительными царапинами) и появление... Появление Карташова. С автоматом. В сапогах (!). С отморженными до стеклянного стука ногами. С пятью (!!!) полными коробками спичек в карманах... Чего он добивался своим поступком — так никто и не понял.

Уволенного по инвалидности (1-я группа — ампутация обеих ног ниже колен) бывшего солдата третьей роты никто (!) из сослуживцев не пошел провожать даже до КПП. Северного КПП полка. Напротив Тульского аэропорта...

Мартынюк

Резкий звонок в штаб первого батальона на полуслове оборвал комбата.

— Что опять у вас натворил этот долбаный Мартынюк? — орал в трубку командир полка. — Сгноить на «губе» негодяя! До командующего дошло! Сам (!!!) звонит!

Командир третьей роты — гвардии старший лейтенант Сашка Терновский — мухой прилетевший в штаб, по стойке «смирно» стоял перед комбатом. Прикидывая какими последствиями грозит для него похождения подчиненного солдата. Маргелов, наш дядя Вася, шутить не любит!

А солдат? Что — солдат? Солдат — как солдат. Почти во всем — первый. С соседней стройки приволочь линолеум для нужд роты — он тут как тут. В самоволку, «по бабам» — опять не оплошает. Подтянуться на перекладине — до чемпионата далеко, но тридцатник «железный». Отжимание от пола — под сотню. Маршбросок — первым никогда не приходил: два-три автомата на себе тащил «сдохших салаг». Стрелять? Как сказать? На мартовских ротных стрельбах (шеренга солдат до километра по фронту и стрельба из всего штатного оружия роты), угодив с головой в траншею, — а их на стрельбище полным-полно, да с грязно-снеговой водой, — и тут же выскочив оттуда, как пробка из бутылки шампанского, первой очередью завалил все, вдруг поднявшиеся перед ним мишени...

Опять резкий звонок в штаб батальона. Опять полумат командира полка. Но какой?!

— Чтобы!!! Через!!! Тридцать минут!!! Комбат!!! Лично!!! Сам!!! — надрывается трубка. — Вручил отпускной билет этому отличнику боевой и политической. И!!! Лично!!! Посадил!!! Его!!! На электричку!!! В Москву!!!

Чем хороша Армия, так это тем, что подчиненному не нужно долго раздумывать над приказами вышестоящего командования. Вредно раздумывать. Преступно. Взял под козырек. Есть! Так точно! Понял! Выполняю. О выполнении — доложу! А потом, после выполнения, в кругу семьи или в кругу друзей, за рюмкой чая можно и порассуждать об этих непонятках...

Благо, ротный находился здесь рядом, по стойке смирно стоящий, ни хрена не понимающий в метаморфозах командира полка, ждущий разъяснение батальонного.

— Что — не ясно? Переодеть в парадку! Пришить «младшего сержанта». Приказ КЭП уже подписал. И — ко мне!

— Да... это... как его... — суворовец, выпускник «Верховного Совета» (Кремлевский курсант), — ротный переминался с ноги на ногу, не зная, как выкручиваться дальше. — Он... это... на «губе»... Сидит... трое суток.

Приплыли. ЕПРСТ! Командующий (Сам!) требует его в отпуск, а они понимаешь, тут безобразия безобразничают...

Вечером вся (!) рота, третья рота, провожала Мартынюка в отпуск. До КПП. Северного КПП полка. Напротив Тульского аэропорта. Где располагалась конечная остановка троллейбуса. Шестого маршрута: «Московский вокзал — Аэропорт»...

Подоплеку этого своего отпуска Мартынюк рассказал через десять суток, по прибытии в расположение.

...Пришел накануне того самого ажиотажа к генералу армии Маргелову Василию Филипповичу его предшественник, бывший командующий воздушно-десантными войсками. И так, вроде бы невзначай, между делом, поинтересовался: «Чего, дескать, моего внука не дождемся в отпуск. Бабы мои — и жена, и дочь — вконец достали. Мол, все: кому не лень, уже по два раза побывали в отпусках, а его, родной кровинушки, все нет и нет. Да и, вообще: ты дед или кто? Не мог его от армии «откосить». Или, на худой конец, оставить служить в Москве? А не гноить его в этой тульской тьмутаракани. И доводы, что он сам захотел служить в наших войсках, а не отсиживаться за дедовским авторитетом, бабьем не принимались абсолютно. Помог-то ему в одном — чтобы служить в Туле. И все».

...До окончания срочной службы (до дембеля!) гвардии младшему сержанту Мартынюку оставалось ровно три месяца. И ровно за три месяца десять дней в полку (в роте, где все обо всех и каждом знают) обнаружилось, что с ними служит внук командующего ВДВ. Правда, бывшего командующего. Но какая, в принципе, эта разница...

Рабинович

За двадцать пять лет в ВДВ я больше ни разу не встречал среди срочников подобной, чисто «англо-саксонской» фамилии.

Боря Рабинович. Профессиональный фокусник-пристижиратор (пальцы — зависть Ойстраха!). Художник с каллиграфическим почерком (писарь роты с первых дней и оформитель стенгазет и боевых листков). Сын сапожника (за какие грехи провинился перед своим Богом и «загремел» в армию?). За два года службы не поправившийся (к «дембелю» все как один наедают ряжи десантники) не то что на килограммы, а ни на один грамм. И... и не годный к службе в ВДВ. По трем статьям. Медицинским. По состоянию здоровья. И два года просящий Бориска Рабинович, просящий и командира роты, и командира батальона, и врача батальона, чтобы ему разрешили прыгнуть с парашютом хотя бы раз. Разочек. Такой маленький, малюсенький разочек. Если надо, он заплатит. Сумму назови. Прописью. Но я его раз за разом вычеркивал из прыжковой ведомости.

— Борис! Купи себе любой значок. Хоть, инструктора-парашютиста. Кто тебя в твоём Бердичеве будет проверять: прыгал ты или нет.

Но он всеми правдами, а больше неправдами, рвался прыгать.

За месяц до увольнения мне пришлось высаживать его из самолета, уже готового к взлету. Куда смотрел? Трижды (!) негодника пропустил на прыжки? Кошмар! Ему предлагали (не приказывали! У нас как в Армии: раз-два, приказ, и в дамки) перевестись в другие, не десантные войска. Ни в какую! Только в ВДВ.

А завтра последний его день в этих самых «продуваемых всеми ветрами войсках», в Воздушно-десантных войсках. Завтра Боря Рабинович увольняется. Отстанет от всех со своими просьбами. Нелепыми просьбами о прыжках. А сегодня?

Сегодня прыгает второй батальон и он — Боря Рабинович — уговорил, а может кого и подкупил (все-таки у него — «англо-саксонская» фамилия), чтобы его взяли на прыжки. И прыгнул! Всего один раз! Один раз за два года службы в ВДВ. В предпоследний день своего пребывания в нашей части. В нашей третьей роте...

Оба два

Проходили у нас очередные полковые учения. В Рязани. На полигоне «Дубровици». Марш в район стрельб — «хорошо». Стрельба — «хоро...». Не было никакой

стрельбы. Жара в то лето — лето одна тысяча девятьсот восемьдесят первого — стояла невероятная. Горело все, что могло и не могло гореть. Мы ждали погоду. Нелетную, дождливую погоду. Пытались стрелять в предрассветной прохладе. Сушняк загорался от первого трассера. Приходилось бросать стрельбы и мчаться тушить лес. Ждали погоду. Дождя. День ждали. Два. Неделю. И дождались. Дождались праздника. Нашего праздника — День Воздушно-десантных войск. Второе августа. День ВДВ. И день, почему-то, Ильи-пророка?

А какой праздник без баяна, т.е. без спортивных соревнований в наших войсках? Тем более — самый почитаемый, самый уважаемый праздник голубых беретов и голубых в полосочку тельняшек.

На стадионе полигона расположились два полка (наш, Тульский и местный, Рязанский — чай, одной дивизии, 106-й гвардейской Краснознаменной, ордена Кутузова 2-й степени Тульской воздушно-десантной дивизии) и гражданские «партизаны» (студенты Московского областного, не то педагогического, не то физкультурного института, проходившие «курс молодого бойца», для получения лейтенантского в запасе звания).

Ведущие этого спортивного шоу — Высоцкий (однофамилец Владимира Семеновича, мастер спорта международного класса по боксу в тяжелом весе, единственный из советских спортсменов дважды победивший самого Стивенса, олимпийского чемпиона, легендарного кубинского боксера), чемпион страны, чемпион Европы и какой-то волосатый, полугроссмейстер по стоклеточным шашкам.

Объявляется очередной «номер»:

— На помосте чемпион мира по дзюдо среди юниоров, мастер спорта международного класса, недавно приехавший из Испании, где этот титул и завоевал такой-то и такой! Кто бросит ему вызов? Есть такие?

Над стадионом нависла гнетущая тишина. Нет таких! Не нашлось смельчака в двух десантных полках! Откуда им взяться? Некому честь голубых беретов в полоску грудь поддержать? Некому с самим чемпионом мира потягаться?

И вдруг... Да, — без всякого вдруг, — просто долго освобождался от обмундирования, среди третьей роты происходит шевеление и на помост пробирается тщедушный солдат. Соплей перешибешь. Трусые, грязно-вылинявшие — синие, ниже колен. Руки по локоть, шея и лицо в бронзовом загаре. Большой палец левой руки перевязан стираным-перестираным бинтом. Белая-белая кожа. Механик-водитель третьей роты (к сожалению, забыл фамилию и его, и второго солдата). Но... Но в голубом берете и в тельняшке!

Неспешное, даже какое-то вяловатое рукопожатие, пренебрежительная ухмылка чемпиона: дескать, не таких мы в Испании видали, видали и укатали под фанфары; но мол, ладно, так и быть, снизойду, покажу вам шоу-класс. Где это тут — ваш мужичок с ноготок? А мужичок, мужичок с ноготок, не раздумывая ни мгновенья, подпрыгивает выше головы (!) чемпиона, захватывает шею ногами, как ножницами, и заваливает соперника на бок, в полете умудряясь перехватить руки и захватить на болевой прием. Чемпион от такой наглости, а скорее от боли жутко воет и стучит свободной рукой по помосту. Чистая победа! За пятнадцать (!) секунд (!!!).

Затем сам Высоцкий вызывает себе напарника, «мастерится» в незашнурованных перчатках. И опять, опять из третьей роты (рожают, что ли их там, в этой третьей роте?) такой же замызганно-зачуханный (а где вы видели опрятно одетых в пижонистые костюмы механиков-водителей боевых машин в полевых условиях?) поднимается на помост солдат. Ему зашнуровывают перчатки, раздается гонг, улыбающийся Высоцкий подманивает его к себе и... получает сокрушительный удар по левому уху и вдогонку — серию ударов по печени, по сердцу. Ничего себе! Зашатался Высоц-

кий. Не ожидал он такой прыти от почти на тридцать килограммов меньше по весу солдата. Но надо отдать ему должное: всего два удара (наверное, и те — в полсилы) нанес он в ответ и, не дав упасть сопернику, объявил почетную ничью...

Обоим солдатам, бывшие с «партизанами» руководители сборов тут же предложили без экзаменов (!) поступить в свой институт. На что наши оба два механика-водители боевых машин десанта обещали подумать...

Да, имеются в русских селеньях, то бишь в ротах (особенно в парашютно-десантных ротах!) самородки-вундеркинды, мастера на все руки. Но имеются также и в русских селениях, и в ротах (в парашютно-десантных ротах — исключительно очень редко), имеются и встречаются Мальчиши-Плохиши... К сожалению...

...и солдат взвода связи Нелюбин

...Сколько может молодой солдат съесть порций за обед? Если его ни в чем не ограничивать? Ни в количестве блюд?.. Ни во времени, потраченном на трапезу?.. Ни на другие всевозможные ограничения?..

Но по порядку...

Пришел во взвод связи служить, только что из «карантина», солдат. Нелюбин — его фамилия. Увалень увальнем. Топором обтесанное лицо. Русая поросья на голове после сверхмодной стрижки «под Котовского». Ручищи до колен с натруженными крестьянскими ладонями. Сапоги сорок шестого или сорок седьмого размера. Телосложения, отнюдь не богатырского. И рост — чуть больше ста семидесяти пяти сантиметров. И глаза — голубые, голубые глаза. Голубее — гордости каждого десантника — берета и полосок на тельняшке.

И, невероятный, патологический какой-то аппетит. Какая-то звериная жадность и быстрота поедания всякой пищи. Постоянная готовность смести все, что оставалось недоеденным на столе взвода связи. Дембельское дополнительное питание (за сто дней до приказа — не знаю, как в других войсках, но в Воздушно-десантных в мою лейтенантскую пору происходило все именно так — все дембеля отдавали солдатам свое сливочное масло) — также моментально пропадало в его ненасытной утробе.

— Молодой! — Ворчали добродушно дембеля взвода связи. — Прослужит год — наестся.

А Нелюбин все никак не мог наестся и постоянно что-нибудь да жевал. На полигоне, когда взвод связи во время стрельб стоял в оцеплении, он всегда выбирал (демократия, понимаешь, была во взводе) пост на «Вышке». Поближе к столовой. И, приходя первым, в каком-то наваждении съедал подчистую или завтрак, или обед, или ужин... всего взвода. Все съедал! Дюжину порций!!! Один!!! Так объел весь личный состав взвода один раз. Объел второй раз. Объел тре... Нет, третий раз объесть взвод ему не дали. Его не наказывали. Не объявляли строгий выговор с занесением... «в грудную клетку». С ним поступили по-другому. Совсем неожиданным и неординарным способом.

...Стоял воскресный солнечный день. Стрельб не было. Не было и оцепления. По столовой дежурили «свои» повара. Из первого взвода снабжения.

Поэтому на стол взвода связи «Бог послал» ни много, ни мало: полный восьмилитровый бачок наваристого борща... полный шестилитровый бачок гречневой каши... огромную с верхом тарелку (специально позаимствованную у поваров для такого случая) жареной свинины... полный пятилитровый чайник компота... буханку ржаного и буханку пшеничного хлеба.

— Ешь!

Личный состав взвода расселился вокруг ненасытного Нелюбина, готовый в лю-

бой момент заклеить его обжорство безжалостным солдатским сарказмом и высказать все то нелicenseприятное, что накопилось за последнюю неделю, когда этот молодой солдат буквально обжирал весь взвод. Не припоминали «ветераны» подобного случая не только во взводе, но и в батальоне, и даже в полку. Не было похожих уникамов. Вундеркиндов от обжираловки. Не было. И сейчас они проучат, набьют его безразмерное брюхо. Силой заставят его съесть выставленное на столе. Через «немогу», через, если надо, и блевотину...

— Все! Больше не осилю! — Нелюбин расстегнул бляху ремня и блаженно-умиротворенная улыбка заиграла на его всегда хмуро-озабоченном лице. — Спасибо большое, ребята. Не поверите, я первый раз в жизни наелся по-настоящему.

По его порозовевшим (то ли от обилия еды, то ли от тепла столовой) прокатились две слезинки.

— Нас в семье восемь детей. Сейчас, наверное, уже девять, и мне, как старшему...

Он не договорил и по щекам прокатились еще две слезинки. Личный состав взвода потрясенно молчал...

— Спасибо!..

...От того знаменитого обеда остались одни воспоминания. Солдатские будни приближались к неизбежному дембелю.

Ефрейтору Нелюбину теперь вполне хватало обычного солдатского пайка. За сто дней до приказа он, как и все, свое масло отдавал «салагам». Семейство Нелюбина к этому времени ждало пополнение десятым ребенком.

А у читателя, наверное, на языке так и вертится вопрос:

— Неужели Нелюбин все съел в тот обед?

Хочу вас разочаровать. Нет, не все он съел. Не мог он все съесть. Недоеденными остались... два с половиной стакана компота...

Третья рота — *1-й гвардейский парашютно-десантный батальон 51-го гвардейского парашютно-десантного Краснознаменного ордена Суворова 3-й степени полка 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии.*

Командир 1 пдб — *Гвардии подполковник Буй Анатолий Филиппович.*

Командир 3 пдр — *Гвардии капитан Терновский Александр Юрьевич.*

Командир взвода связи 1 пдб — *гвардии старший лейтенант Фунтиков Александр Владимирович.*

Врач 1 пдб — *Гвардии капитан медицинской службы Макаров Николай Алексеевич.*

Время — *1972—1981 годы.*

Людмила Авдеева
(г. Москва)

ЖИВУТ ВО МНЕ ВОСПОМИНАНИЯ
(Л. Н. Толстой в моей жизни)

Журналист-международник, литературовед, культуролог, поэт. Автор 28 книг. Лауреат отечественных и зарубежных фестивалей и конкурсов поэзии. Член Союза писателей РФ, Международной Федерации журналистов, Российского Союза ветеранов Афганистана, руководитель ЛИТО.

Анна Андреевна Ахматова любила повторять, что «память — великая завиральница», о чем свидетельствуют разночтения об одних и тех же событиях в мемуарах известных писателей, а тем более их домочадцев и близких. С течением времени мы не можем быть уверены в хронологической точности событий, в верности цитируемых высказываний, неизбежны сомнения. В этом Ахматова перекликается с Николаем Васильевичем Гоголем, писавшем, что «нет ничего хуже правды, которая неправдива».

Но из сокровенных глубин памяти всплывают воспоминания, связанные с именем Льва Николаевича, произведения которого оказали определенное влияние и на мое мировоззрение, и в какой-то степени на судьбу.

Творчество Толстого, вместившее и эпохальные литературные шедевры, и публицистику, и народные рассказы, притчи и поучения, и его религиозно-философское учение, дает возможность не только оценить мировое значение гениального писателя, но и осмыслить собственное предназначение, задаться вечными вопросами и понять толстовское изречение, что «величайшие истины — самые простые».

В моем книжном шкафу немало разных изданий произведений Л. Н. Толстого и с каждым связаны страницы воспоминаний.

Первые детские воспоминания отрывочны и всплывают отдельными картинками, но история, связанная с рассказом Толстого «Филиппок», по которому я научилась читать, вероятно, из-за того, что ее часто вспоминали в семье, видится четкой и связной.

На мое четырехлетие, бабушка подарила «серьезную» большую книжку в белом картонном переплете, на обложке которой был нарисован деревенский мальчишка в старой отцовской шапке, в длиннополом кафтанчике-пальтишке. «Этого мальчика зовут Филиппок,— сказала бабушка,— а писателя, который написал, как Филиппок пошел в школу, зовут Лев Николаевич Толстой». Меня тогда поразило имя Лев, так как в моем детском сознании Львом был царь зверей. Потом, когда я стала заниматься восточной классической поэзией и изучала творчество Фирдоуси, которого уважительно называют царем поэтов, а его поэму «Шахнаме» — царской книгой, то не раз ловила себя на мысли, что имя великого русского писателя-мыслителя символично. Лев Толстой, действительно, царь русской литературы, а роман «Война и мир» воистину царская книга по своему масштабу. А тогда бабушка принесла старый большой портфель, в котором хранила вырезки из журналов и газет и множество от-

крыток своих любимых поэтов, писателей, художников и композиторов, и достала фотографию Толстого, которая вызвала у меня бурю чувств. На фотографии, которая была сделана Чертковым в 1908 г., за два года до смерти писателя, был изображен яснополянский старец с окладистой седой бородой, нависшими бровями, густыми усами, с плотно сжатыми губами. На широком лбу — две глубокие продольные морщины, большие уши с мясистыми мочками, слегка волнистые волосы. Пронзительные строгие глаза, глубокий взгляд которых устремлен вдаль. От этого человека, крепкого плотного телосложения, исходила спокойная сила, уверенность, доброта. Была еще и репродукция с картины Н. Н. Ге, на которой сосредоточенный Толстой склонился над рукописью в своем кабинете. Но мне необычайно пришелся по душе «дедушка» на первой фотографии. Дедушек у меня не было. Дедушка со стороны мамы и отец моего папы вместе с его тремя братьями погибли на фронте еще до моего рождения. Увидев впервые портрет Льва Николаевича, я его иначе, как «мой дедушка», не называла вплоть до четвертого класса, пока молодая учительница Мария Васильевна нравочениями и арифметическими действиями «не внушила», что «великий писатель, принадлежащий всему миру», не может быть моим дедом. А тогда, когда я впервые увидела портрет Толстого, а бабушка несколько раз прочитала мне новую книжку про Филиппка, вернувшегося с работы отцу, я не только дословно пересказала рассказ, но и продекламировала стихи, которые посвятила «дедушке» Толстому. Книг у меня в раннем детстве было много, а стихами Чуковского, Барто, Маршака, Ершова я была буквально напичкана, и замороженная магией рифмованных строк, пыталась сама «говорить стихами», и папа завел толстую зеленую тетрадь, в которую записывал мои «опыты». Тогда он записал и эти строчки:

*«Милый дедушка Толстой,
С длинной белой бородой,
Я рассказ про Филиппка
Десять раз уже прочла.
Мне бы дедушку такого,
Очень умного, большого,
С очень добрыми глазами.
Мы бы целый день играли.
А когда легла б я спать,
Ты бы снова стал писать
Детям разные рассказы.
И читать мне утром сразу.»*

Это стихотворение стало первым в «толстовском цикле». Потом на протяжении долгих лет я не раз писала стихотворные посвящения и великому писателю, и Софье Андреевне, и Ясной Поляне.

А в то далекое утро я пошла на прогулку с книжкой и рассказала о Филиппке своим «дворовым» друзьям-дошкольникам, и мы решили немедленно идти в школу учиться. Школа была рядом с домом. Надо было только выйти за колонны. Вошли в школу беспрепятственно, но едва приблизились к лестнице на второй этаж, где находились классы, как сзади раздался голос гардеробщицы: «Куда направилась?». «Учиться»,— ответили мы хором. «А сколько вам лет?». Я ответила за всех, что четыре, для убедительности растопырив четыре пальца. Напрасно мы протягивали книжку и убеждали, что хотим, как Филиппок учиться, женщина, смеясь и повторяя: «Толстого они начитались», выставила нас за дверь. Мы шли назад понурые, а в колоннах нас уже поджидала бабушка моей подружки из соседнего подъезда. Узнав,

что это я зачинщица похода в школу, потащила меня домой, приговаривая: «Сейчас тебе родители покажут дедушку Толстого». Но дома, хотя пожурили, на следующий день, бабушка стала учить меня складывать буквы в слова, и через некоторое время, подобно Филиппку, по складам, я читала во дворе вслух книжки «неграмотным» ровесникам.

Потом была школа и среди подаренных «за отличные успехи и примерное поведение» книг «Детство. Отрочество. Юность» и «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого. Окончив школу с золотой медалью, я поступила на филфак МГУ, где мне было учиться легко и радостно. На втором курсе декан филфака Михаил Никитич Зозуля набирал семинар «толстоведов», и я не устояла, записалась первой. М. Н. Зозуля был перегружен административной работой, а еще вел семинар и по украинской литературе. Нас же, желавших «погрузиться» в творчество «сложного и противоречивого писателя», было только трое, поэтому мы часто собирались не в аудитории, а на квартире у Михаила Никитича на Ленгорах, и горячо обсуждали дневники, статьи и письма писателя, спорили о судьбах толстовских героев. Когда было тепло, мы часами сидели на скамеечке на Ленинских горах и слушали рассказы нашего руководителя о жизни и религиозных исканиях Толстого. К пятому курсу я осталась одна «верна Толстому», избрав его творчество темой своего диплома.

Вспоминаю, как в студенческие годы мы, студенты-филологи, довольно часто ездили в Ясную Поляну. Ясная Поляна своего рода Мекка, место паломничества для тех, для кого великий писатель — духовный учитель, просветитель. Какое это было счастье ходить по тем же дорожкам липовой аллеи, где ходил сам Толстой, сидеть на той самой любимой его скамейке, вдыхать аромат яблоневого сада и жасмина. А какое единение с чарующей природой Ясной Поляны, само название которой настраивает на ясную солнечную погоду, светлые мысли и напоминает волшебные сказки детства. С каким-то особым трепетанием сердца шли к простому холмику среди высоких деревьев, к могиле великого писателя. Здесь невольно вспоминалась легенда о «зеленой палочке», которую рассказывал Левушке старший брат Николенька, и они оба искали этот талисман счастья и справедливости для всего человечества. По завещанию Льва Николаевича, его и похоронили на месте поисков этой волшебной палочки.

Всегда, когда удавалось выбраться в Ясную, с душевным трепетом, который не угас с годами, я бродила по комнатам усадьбы, рассматривала шахматный столик, кресла, рояль, самовар и чайную посуду, представляя, что руки самого Толстого касались этих чашек. Особенно волнительно было входить в рабочий кабинет с большим окном и дверью на балкон, с которого виден парк. Взор притягивал массивный диван, на котором родился сам Лев Николаевич, его братья, сестра, 11 детей и 2 внука. Всегда задерживалась у письменного стола из персидского ореха, на котором ручка, чернильница, книги, которые он читал. Помню, как перечитывала совершенно по иному «Братьев Карамазовых», увидев, что у Толстого роман открыт на главе, где старец Засима рассуждает о деятельной любви и страданиях грешников, не научившихся любить и делать добрые дела.

Студентами мы часто ходили и в музей Толстого в Хамовниках, где всегда с интересом рассматривали подлинные вещи семейства Толстых. Интересно было узнать, что в музей передано кольцо с бриллиантом и рубинами, которое Лев Николаевич купил Софье Андреевне на гонорар от издания «Анны Карениной». Потом кольцо перешло старшей дочери Татьяне Львовне, а от нее ее дочери — внучке Толстого, тоже Татьяне. А та подарила кольцо музею. Принимала я участие и в научных конференциях, организуемых музеем, выступала с докладом по теме своего диплома, и мои первые научные статьи М. Н. Зозуля передавал в музей (сохранились ли?).

Вспоминается встреча студентов-филологов с Николаем Николаевичем Гусевым

в 1963 или 1964 г. Он был уже очень пожилым человеком, плохо слышал и видел, но сохранил светлую память и рассказывал, как работал секретарем Льва Николаевича, как по несколько раз переписывал одни и те же страницы, как отвечал на многочисленные письма, приходившие Толстому, причем подсказывал адресатам в какой статье или произведении писателя найти ответ на интересующие вопросы, подробно и доходчиво излагал религиозно-философские взгляды Толстого. Работы самого Н. Н. Гусева, его воспоминания о жизни в Ясной Поляне я неоднократно перечитывала, наряду с работами крупнейших литературоведов Ермилова и Кирпотина, с которыми тоже неоднократно встречалась, бывала у них дома, когда работала над дипломом и последующими статьями о творчестве Льва Николаевича. Для меня двадцатилетней студентки было огромной честью сидеть за одним столом с маститыми учеными и за чашкой чая слушать их рассказы, испытывая жгучее желание заслужить их одобрение. В мои студенческие годы был жив еще и Валентин Федорович Булгаков, секретарь Толстого, сменивший Гусева, встречались мы и с Анной Борисовной Векслер, долгие годы заведовавшей научной библиотекой в Ясной, удивительно эрудированной талантливой женщиной. После каждой «встречи с Толстым» появлялось острое желание работать. Сила личности писателя, его обаяние были столь велики, что хотелось стать лучше, справедливее, добрее. Окончив с отличием МГУ, поработав редактором в издательстве, я надолго уехала с мужем в Иран, где, будучи преподавателем, серьезно занялась изучением культуры и литературы Востока, находя, как в свое время Лев Николаевич Толстой, столько созвучного своему мировоззрению и духовным исканиям в восточной философии и поэзии. При этом Толстой все эти годы был незримо рядом. С его творчеством я знакомила и своих иранских студентов, и посетителей библиотеки, которой заведовала позднее в Пакистане. А в Афганистане, среди моих опубликованных в кабульских журналах статей, были и посвященные жизни и творчеству Толстого. Именно в Афгане, будучи более двух лет очевидцем трагических событий, я снова и снова возвращалась к тому, что было написано Толстым о событиях кавказской войны. Перечитывала «Севастопольские рассказы», повесть «Хаджи Мурат», «Казачьи», «Кавказский пленник». Возможно, пронзительная правда произведений Л. Н. Толстого, так точно передавшего психологическое состояние героев, черты народного характера, мужество и патриотизм простого солдата, подтолкнули меня к прозе. В Афганистане родились не только сборники стихов «У памяти в плену» и «Одни нам светят звезды», но и цикл афганских рассказов, вошедших в 11 том издания «От солдата до генерала». Проработав долгие годы в разных странах Ближнего и Среднего Востока, бывая в странах Центрально-Азиатского региона, могу уверенно сказать, что и там Лев Николаевич Толстой один из самых почитаемых русских писателей. Да и сам Лев Николаевич всегда интересовался восточной философией, искал в ней ответы о возможности нравственного спасения человечества и всегда радовался, когда находил подтверждение своим взглядам у древних мудрецов. Мне приходилось много общаться не только со студентами и преподавателями, но и с деятелями культуры, духовными лицами и всегда я чувствовала неподдельный интерес к творчеству Толстого, к его теоретическим философско-религиозным трудам: «В чем моя вера», «Царство божие внутри нас», «Исповедь», «Исследование догматического богословия»... Серии народных рассказов, притчи с их доступным языком, так же как и сложные произведения, в которых писатель излагал свои философско-этические взгляды, остаются притягательными и для простых читателей, и для политических и общественных деятелей. Путь к обновлению человечества Лев Николаевич видел в нравственном совершенствовании каждого, в обличении зла. Высказывания Толстого о переустройстве общества, о справедливости и самоусовершенствовании, о роли матери в процессе воспитания, о не-

обходимости помогать бедным, почти дословно совпадают с учением духовного лидера Ирана имама Хомейни. Лидер исламской революции много писал о совершенном обществе и совершенном человеке, о помощи обездоленным, о том, что «воспитание начинается с колен матери», мечтал о равенстве, братстве и мире на земле. Как созвучна мысль Толстого: «Знания без нравственной основы ничего не значат», изречению имама Хомейни: «Знания в злобном уме опасны». А мысли обоих тождественны учению Платона о совершенном обществе.

В 1855 г. Толстой, высказав мысль о создании новой религии, был уверен, что если одно поколение будет передавать другому добрые мысли о создании справедливого общества, то когда-нибудь это станет реальностью. О духовной близости высказываний Толстого строкам восточных поэтов, философов, богословов можно написать не одну научную статью. Не случайно мучительная мысль Левина «что я такое и зачем я здесь» так созвучна вечным строкам персидского классика Хайяма: «Откуда мы пришли. Куда уйдем. Где круга этого начало, где конец».

В Индии в Бомбее, нынешнем Мамбае, в музее Ганди всегда ловила себя на мысли насколько духовные искания руководителя освободительного движения близки учению Толстого о непротивлении злу насилием. Недаром Ганди встречался в Риме со старшей дочерью писателя Татьяной Львовной для беседы о религиозно-философских воззрениях ее отца. Разрабатывая идейные и тактические принципы борьбы против расовой и национальной дискриминации, Ганди в выработанной им концепции «Сатьяграхи» — «Упорство в истине», использовал морально-этические принципы учения Толстого, Личность которого и образ жизни оказали на Ганди сильное влияние. Получив имя Махатма — «Великая душа», он разработал тактику ненасильственных действий при сопротивлении британскому диктату в Индии, опираясь на учение Толстого.

Идейный лидер арабского единства, ливанский писатель Амин Рейхани увлекался учением Толстого наравне с трудами Вольтера и Руссо. Он проповедовал у себя на Родине идеи личного совершенствования в духе Толстого, излагая в статьях, эссе, речах этико-философские взгляды, призывал к всеобщему братству, утверждал, что в каждом есть «искра добра, частица любви и истины» и был сторонником слияния двух великих цивилизаций Востока и Запада.

Полное юбилейное собрание сочинений Толстого я приобрела на книжном развале в Иране в Тегеране на улице Васали-Ширази. Это то самое издание, над которым начинала работать еще в 1918 г. младшая дочь Толстого Александра Львовна в издательстве «Задруга» на деньги, оставшиеся от издания посмертных произведений Толстого. Разбор рукописей, писем, дневников происходил до 1923 г. сотрудниками Румянцевского музея, нынешней Российской государственной библиотеки. Материалы выверяла Александра Львовна с братом Сергеем Львовичем. Затем работа шла совместно с редакционной группой В. Г. Черткова, готовившей к изданию произведения, написанные после 1880 г. С 1937 г. издание стало выходить в свет. Подготовка последующих томов продолжалась и в годы войны. Даже во время блокады Ленинграда тома для печати перевозили по ледовой дороге жизни через Ладогу. Но предложенные Гослитиздату материалы были изданы полностью только в конце 50-х.

Каким удивительным образом в канун исламской революции в Иране 1979 г. туда попали сочинения не только Толстого, но и Достоевского, Чехова и многих дореволюционных русских писателей остается загадкой.

А в 1978 г., перед новой заграничной командировкой, мне посчастливилось быть в Москве на праздновании 150-летия со дня рождения Льва Николаевича Толстого. Торжества были масштабными, с многочисленными научно-теоретическими конференциями, широкой демонстрацией фильмов и спектаклей по произведениям писателя,

выставками в толстовских музеях. Тогда я посмотрела «Анну Каренину» с Гретой Гарбо. Посчастливилось мне попасть и в Большой театр, где шло торжественное юбилейное заседание. О духовном наследии Толстого и его роли в мировой культуре, масштабности личности гениального писателя говорили в своих речах и первый секретарь правления Союза писателей Георгий Макеевич Марков и директор ИМЛИ Георгий Петрович Бердников. В зале присутствовали многочисленные потомки Л. Н. Толстого, в том числе приехавшие из-за рубежа.

За пределами этих воспоминаний остается много не озвученных страниц. Это и командировка в Непал в 1997 г. на юбилейные торжества клуба непальских выпускников российских вузов «Митра Кундж», где было столько разговоров о современной русской культуре и неоднократно с особенным почтением звучало имя великого Толстого. И встречи на Международных научных конференциях, где, говоря о России, представители разных стран обязательно называли имя Льва Толстого.

В этом юбилейном году Великой Победы мне снова удалось оказаться в Ясной Поляне. Невольно вспомнилось все прочитанное о декабре 1941 г., когда усадьба была освобождена от фашистов. Тогда и сложилось большое стихотворение, несколько строк которого я хочу привести:

*В боях советские солдаты
Усадьбу от врагов спасали.
У Ясной есть святыне даты
Для радости и для печали.
Веками жить народной силе.
Бессмертна русская душа.
Бессмертна матушка-Россия,
Что Льва Толстого родила.*

В энциклопедии «Мудрость тысячелетий» несколько страниц занимают изречения Льва Николаевича Толстого, свидетельствующие и о широте его взглядов, и об эволюции мировоззрения, и о роли гениального писателя в формировании общественной мысли. Есть среди них и такое: «Что может быть драгоценнее, чем ежедневно входить в общение с мудрейшими людьми мира». И какое счастье, что среди этих мудрейших людей мира великий русский писатель, яснополянский мудрец Лев Николаевич ТОЛСТОЙ, с которым можно ежедневно разговаривать по душам.

